

ДРУГИЕ БЕРЕГА

Размышления об арабских революциях

Борис Кагарлицкий

«Переломные моменты в истории человечества никогда не бывают простыми для понимания современников, которые редко могут в полной мере оценить их значение и последствия, — писал летом 2001 года один из авторов алжирской левой газеты “Le Matin”. — Они происходят не так, не в то время и не там, где их ждут. И начало XXI века в очередной раз подтвердило это правило. Это время, когда новые, набирающие силу тенденции перемешиваются с наследием прошлого, тянущим нас назад. Но история работает на эти новые силы, которые постепенно и неминуемо смогут преодолеть инерцию прошлого»¹.

Арабские революции 2011 года оказались неожиданностью для многих, включая левых аналитиков, которые ожидали и предсказывали социально-политические потрясения где угодно — от Латинской Америки до Восточной Европы, кроме стран Северной Африки и Ближнего Востока.

Однако события эти не только не были исторической случайностью (в истории случайностей такого масштаба не бывает), но и оказались совершенно логичным и естественным результатом развития. Эффект неожиданности был вызван тем, что

общества Ближнего Востока находились под жестким давлением авторитарных режимов, не допускавших сколько-нибудь серьезных массовых протестов, создавая у внешнего наблюдателя ощущение кладбищенского спокойствия. Однако именно эта стабильность была преддверием взрыва неимоверной силы. Намертво прикрутив «крышку» репрессивно-полицейского режима к кипящему «котлу» арабских обществ, правящие классы, сами того не сознавая, гарантировали, что эту крышку сорвет социальным давлением.

Ещё одной причиной, вызвавшей замешательство аналитиков, были относительно благополучные цифры показателей экономического и даже социального развития. Валовой внутренний продукт рос вплоть до самого начала мирового кризиса, повышался уровень образования, были и некоторые достижения в области жилищного строительства, общественного транспорта, безопасности. Проблема лишь в том, что фиксируя некоторые количественные улучшения, статистика скрывала накопление системных противоречий и даже структурную деградацию в экономике.

Кризис 2008 года не только привел к резкому скачку цен на продовольствие, создав беспрецедентный со-

¹ Le Matin (Alger), 1.09.2011.

циальный кризис, казалось бы, «на ровном месте», но и выявил многочисленные проблемы, продемонстрировав, помимо прочего, что стратегия развития, избранная большинством правительств региона и считавшаяся относительно успешной в последнее десятилетие XX века, явно зашла в тупик.

Либералы и диктаторы

Неолиберальная реконструкция капитализма, происходившая в 1980-90-е годы, сопровождалась перемещением производства и рабочих мест из Европы в страны с дешевой рабочей силой. С этой точки зрения перспективы стран Северной Африки выглядели совсем неплохо. Мало того, что заработная плата была низкой, но значительная часть населения знала европейские языки. В такой ситуации вполне оправданной являлась ставка правительств Туниса, Алжира и Египта на развитие системы образования, способной повысить качество рабочей силы и тем самым сделать соответствующие страны ещё более привлекательными для иностранного капитала. Неплохо смотрелась и ситуация в Ливии, где доходы от продажи нефти создавали дополнительные возможности для индустриализации.

Географически эти страны находились недалеко от западных рынков сбыта, многие имели собственную сырьевую и энергетическую базу. Даже Египет, не обладающий большими запасами нефти, расположен недалеко от источников энергетического сырья, а благодаря построенной с помощью Советского Союза Асуанской плотине, имеет в избытке дешёвую

электроэнергию. Инфраструктура всех стран региона находилась в приличном состоянии. Диктаторские режимы были привлекательны для инвесторов, гарантируя стабильность и отсутствие проблем с общественной критикой, экологическими запретами, забастовками и профсоюзами. Единственным более или менее заметным фактором риска были исламистские движения, влияние которых постепенно росло, но именно против них была направлена систематическая репрессивная деятельность государственного аппарата.

Самые драматические события произошли в Алжире, где в декабре 1991 года в ходе первых многопартийных выборов первый тур выиграл Исламский фронт спасения. Военные не стали ждать второго тура, а отменили голосование, заставив президента Шадли Бенджедида уйти в отставку. Исламский фронт спасения был запрещен, а его сторонники ушли в подполье. Началась гражданская война, которая продолжалась почти десятилетие. Обе стороны проявляли крайнюю жестокость, не щадя мирного населения. Однако силы безопасности Алжира сумели сломить сопротивление исламистов. Власти также провели чистку среди духовенства, удалив из мечетей радикальных имамов. В 2004 году победивший на выборах новый президент Абдельазиз Бутефлика уже чувствовал себя настолько уверенно, что рискнул объявить частичную амнистию.

С начала 2000-х годов борьба с исламистами сопровождается растущей интеграцией спецслужб региона в единое сообщество с западными разведками, причем местные органы не только обслуживают интересы американских и европейских струк-

тур, но и сами активно получают от них помощь в борьбе с внутренними врагами. О том, насколько интенсивным было это сотрудничество, мы можем судить по материалам ливийской разведки, обнаруженным после революции.

Вскоре после свержения режима Каддафи в Ливии лондонский «The Independent» опубликовал рассказ одного из наиболее влиятельных повстанческих военных лидеров Абдулхакима Белхаджа (Abdel Hakim Belhadj), подробно поведавшего о том, как он был схвачен американцами в Азии, как его пытали агенты ЦРУ, а потом передали ливийским коллегам, которые продолжали мучить его в знаменитой тюрьме Абу Салим. Когда англичанин спросил собеседника, не изменилось ли теперь его отношение к американцам, ставшим союзниками «свободной Ливии», командир повстанцев коротко ответил: «такое простить трудно»². Спустя несколько дней ливийская пресса сообщила, что британцы «отказались принести извинения» (*declined to make any apology*), а Белхадж объявил о намерении начать дело против разведки Её Величества в лондонских судах³. Похожей была и судьба другого ливийского исламиста, Сами Аль-Саади (Sami al-Saadi), которого англичане передали спецслужбам Триполи «в подарок» перед поездкой премьер-министра Тони Блэра в гости к полковнику⁴.

По договоренности с Италией и Евросоюзом флот Ливии патрулировал побережье Африки, пресекая попыт-

ки нелегальной миграции в Европу. Тысячи людей, перехваченных таким образом, были брошены в «фильтрационные» лагеря, где месяцами и годами находились без суда и следствия. Всё это было великолепно известно, но не вызывало возмущения Запада. «Кого это волнует! — иронизировала алжирская газета. — Главное, что «африканские орды» не добрались до его берегов»⁵.

После захвата Триполи повстанцами секретные документы ЦРУ и британской разведки выносили из разбитого здания ливийской секретной службы пачками. Переписка свидетельствовала о крайне активном взаимодействии между ливийскими и американскими спецслужбами, была интенсивной и в высшей степени дружественной. Упоминалось в них и сотрудничество с Израилем.

Мало того, что британская разведка оказалась замешана в тайные операции ливийского режима, помогая ему бороться с оппозицией, обмениваться информацией, и участвуя в подготовке бойцов знаменитой «бригады Хамиса», которая отличалась особой жестокостью в боях против повстанцев, но всплыла и дипломатическая переписка, ничуть не менее скандальная. Виноваты в этом сами англичане: сотрудники Foreign Office покидали ливийскую столицу в такой спешке и панике, что бросили там все свои архивы, включая секретные. Это, кстати, в очередной раз показывает, насколько у Запада в Северной Африке отсутствовала скольконибудь спланированная и просчитанная стратегия.

Поставки оружия из западных стран

2 The Independent, 2.09.2011.

3 The Tripoli Post, 10.09.2011.

4 См. The Tripoli Post, 10.09.2011.

5 Le Matin (Alger), 21.08.2011.

в Ливии выглядели тоже впечатляюще. По данным “Daily Mail” в 2007 году Великобритания подписала контракт о поставках военного и полицейского оборудования на 5 миллионов фунтов. После этого, отмечает газета, Лондон «продал режиму Каддафи вооружения на десятки миллионов фунтов»⁶. Газета “Daily Telegraph” приводит более конкретные данные, хотя и они, по признанию журналистов, являются неполными.

Одна лишь General Dynamics UK (филиал американского транснационального концерна) обеспечила ливийцев средствами связи на 79 миллионов фунтов. В дополнение к этому правительство Её Величества выдало лицензий на продажу Ливии вооружения на 21,7 миллиона фунтов, в том числе на поставку легкого вооружения, боеприпасов, запчастей к самолетам, бронетехники и военной электроники. Другие страны Евросоюза старались не отстать от англичан. Германия выдала лицензий на 47 миллионов фунтов (в пересчете на британские деньги), в основном на бронетехнику. Франция — на 20,6 миллионов, Бельгия на 19 миллионов. Наряду с оружием поставлялись полицейские средства, особенно — для разгона демонстраций. В одном лишь 2009 году общая сумма военных поставок из стран Евросоюза достигла 293,2 миллионов фунтов, причем из них £67.9 миллионов почему-то пришлось на Мальту, где нет военной промышленности. По всей видимости, это был реэкспорт вооружения, которое почему-то не могли приобрести по официальным каналам⁷. На фоне активного перевооружения

ливийской армии и полиции наблюдалось неуклонное вытеснение с этого рынка России, которая продолжала поставлять режиму Каддафи устаревающие танки и запчасти к советским самолетам.

Последние военные поставки полковник получил уже в конце января 2011 года, за несколько дней до начала народных выступлений, причем речь шла о снайперских винтовках, активно использовавшихся сторонниками режима для борьбы с повстанцами, а также для убийства журналистов и активистов оппозиции. Этот опыт произвел очень благоприятное впечатление на российских военных и политиков, которые после событий в Ливии решили начать массовые закупки снайперских винтовок на Западе на случай возникновения у нас волнений по «арабскому сценарию». Как объяснил одобрительно кивающему президенту Медведеву генерал Николай Макаров, «революции в Тунисе, Египте и Ливии показали, что российская армия должна быть готова к наихудшим вариантам развития обстановки в стране»⁸.

Поскольку, однако, оружие не стреляет само, западным спецслужбам приходилось тренировать своих ливийских коллег, в частности снайперов из всё той же «бригады Хамиса». В связи с этим командование британского спецназа (SAS) в лучших традициях коммерческой рекламы обещало Каддафи «обеспечить гарантию качества» (provide quality assurance)⁹. Вооружение поставлялось до самого последнего дня, пока резолюция Совета Безопасности ООН не наложила запрет на отправку оружия в Ливию.

⁶ Daily Mail, 24.02.2011.

⁷ Daily Telegraph, 27.02.2011

⁸ РБК-daily, 13.09.2011.

⁹ Daily Mail, 5.09.2011.

Надо отдать должное британцам, которые уже в феврале, когда репрессивный режим Каддафи уже был осужден на официальном уровне, успели напоследок отправить диктатору боеприпасов на 64 тысячи фунтов¹⁰. А в ноябре 2011 года канадская газета "The National Post" опубликовала интервью Гэри Петерса (Gary Peters) одного из сотрудников охраны Каддафи, из которого стало ясно, что даже после начала западной интервенции сотрудники частных военных компаний продолжали работать на ливийского диктатора, который «использовал западных специалистов по безопасности, в том числе из Канады»¹¹.

После взятия Триполи революционными отрядами рассекреченные документы оказались на первых страницах британской прессы. Некоторые материалы вызывают отвращение, другие оказываются довольно комичными. Например, обнаруживается, что Лондон вел по секретным каналам с Триполи переписку о том, что премьер Тони Блэр просил сфотографироваться с Каддафи на фоне бедуинской палатки: «Почему-то англичане обожают палатки. Так или иначе, журналистам понравится», – разъяснял представитель британской разведки своему арабскому коллеге¹². Ливийцы милостиво согласились и фотосессия состоялась.

Нет оснований думать, будто разведслужбы Египта, Марокко, Туниса, Иордании и других арабских стран сотрудничали с Англией, США и Израи-

лем менее активно, чем их ливийские коллеги. Следы этих контактов можно обнаружить в тех же ливийских документах, рассекреченных во время революции. Разница состоит лишь в том, что в Ливии революционный процесс уже в 2011 году зашел в плане разрушения старого государственно-репрессивного аппарата гораздо дальше, чем в соседних странах и секретные архивы массово сделались достоянием гласности.

Следует признать, что на техническом уровне работа спецслужб и репрессивного аппарата оказалась вполне эффективной. К середине 2000-х годов в большинстве стран региона ситуация выглядела вполне стабильно, оппозиционные силы, как исламистские, так и светские были неспособны бросить сколько-нибудь серьезный вызов государству. И если революции всё равно произошли, то это свидетельствует лишь о том, что есть исторические силы, с которыми не может справиться даже самая свирепая полиция.

Рост без развития

В начале XXI века динамика экономического развития оказалась совершенно иной, чем прогнозировали. Экономический рост продолжался, а вот промышленный подъем, наметившийся в конце XX века, сошел на нет. Причиной тому был стремительный подъем Китая, превратившегося в «сборочный цех планеты» и «мастерскую мира». Традиционно принято считать, будто китайская конкуренция привела к массовым потерям рабочих мест на Западе, однако на деле дело обстоит совершенно иначе.

10 См. <http://www.presstv.ir/detail/196382.html>

11 The National Post (Canada), 29.10.2011.

12 Daily Mail, 5.09.2011.

В 2000-е годы на Западе процессы деиндустриализации в основном завершились, и китайское чудо скорее стимулировало создание рабочих мест в машиностроении, электронике и других отраслях, развивавшихся в тесном симбиозе с китайской промышленностью. Напротив, в странах периферии под ударами китайской конкуренции происходила массовая потеря рабочих мест.

Показательным примером может быть судьба текстильной промышленности Марокко, бурно развивавшейся в 1990-е годы, а затем пережившей затяжной спад. Даже эксперты Всемирной торговой организации, исключительно оптимистичные в своих оценках, вынуждены были к середине 2000-х годов признать, что в Северной Африке, несмотря на расширение связей с европейскими рынками, «занятость в текстильном секторе этих стран стагнировала или сокращалась»¹³.

Преимущество Китая состоит не в дешевизне рабочей силы, а в её численности. Наладить дешевое производство в таких масштабах, как в Китае, не дает возможность ни одна страна, включая даже Индию. Не удивительно, что в таких условиях индустриальное развитие в странах Северной Африки оказалось блокировано, а во многих случаях даже обращено вспять — многие предприятия закрывались, приходили в упадок целые отрасли, от производства сувениров до текстиля.

Удовлетворительные показатели валового внутреннего продукта скры-

вали реальную проблему, хорошо известную экономистам ещё с 70-х годов XX века — «рост без развития». Инвестиции, приходившие в основном в туризм и сферу услуг, обесценивали образование, предоставляемое государственными школами и университетами. Нацеленная с конца 1980-х годов на индустриализацию система образования в возрастающем количестве продолжала выбрасывать на рынок труда специалистов, в услугах которых никто не нуждался. Образование — система инерционная, да и политически невозможно уже было повернуть назад. В то время как культурная ценность образования оставалась высокой, а число людей, получавших знания на вполне достойном европейском уровне, непрерывно росло, реальная экономическая ценность этого образования (и соответственно, жизненные шансы) стремительно снижаются.

Вообще-то распространение массового образования повсеместно связано с понижением социального статуса образованных людей. Этот процесс имел на определенном этапе истории место и на Западе, и в Советском Союзе, что в значительной мере способствовало распространению левых взглядов среди европейского студенчества 1960-х годов, росту критических, диссидентских настроений в советской интеллигенции. Но если в европейском случае система образования в своем развитии опережала экономику, то в случае североафриканских стран ситуация оказывается ещё более драматичной — структурная эволюция экономики находится в прямом противоречии с тенденциями, доминирующими в системе образования.

«Лишние люди» неолиберальной

13 Н. Kyvik Nordås. The Global Textile and Clothing Industry post the Agreement on Textile and Clothing. WTO Discussion paper Nr. 5. Geneva, 2004, p.11.

системы: высококлассные инженеры, работающие туристическими гидами, молодые ученые, ставшие переводчиками в отелях, геологи, оказавшиеся ресторанными менеджерами, — вот типичные персонажи арабского экономического быта начала XXI века. Массовая дисквалификация специалистов во многом напоминала процессы, имевшие место в странах бывшего Советского Союза, с той лишь разницей, что происходило это не на фоне демографического упадка, а в условиях, когда население продолжало молодеть. На сцену вышло, по выражению американского журналиста, поколение «с большими надеждами и работой, не открывающей никаких перспектив» (dead-end jobs and high hopes)¹⁴.

Кризис 2008 года обнажил структурные противоречия системы, превратив экономические диспропорции в социальные конфликты. Политика Соединенных Штатов, направленная на то, чтобы спасти банковский сектор за счет массового вливания небеспеченных денег, обернулась бурным ростом спекуляций на товарных рынках — цены на продовольствие стремительно подскочили по всему Ближнему Востоку. Народные волнения начались в январе 2011 года в Алжире и Тунисе, затем перекинулись на Египет, Йемен и Бахрейн. В Алжире правительству удалось сбить волну народного гнева уступками и репрессиями, но в Тунисе власть президента Бен Али рухнула. Затем настал черед Египта. Многодневное противостояние полиции и народных масс, захвативших в Каире площадь Тахрир, завершилось отстранением от власти Хосни Мубарака. Арабский

мир охватила демократическая эйфория. Свобода печати, честные выборы, право на создание политических партий — все эти принципы стали на Ближнем Востоке столь же очевидной нормой общественной жизни, как и в Западной Европе. Короли Иордании и Марокко поспешили начать сверху процесс демократизации, не дожидаясь, пока его навяжут снизу. Волна народных выступлений продолжала катиться по региону. Теперь уже протестами оказались охвачены Иран, Ливия и Сирия. В Иране властям удалось справиться с недовольством относительно легко. В Сирии неуступчивость власти привела к затяжному кровавому противостоянию между бунтующими безоружными массами и репрессивными органами режима, не проявлявшими, в отличие от Туниса и Египта признаков деморализации и разложения. Армия и полиция оставались верными режиму, сохраняли единство и дееспособность. Однако в Ливии события приняли неожиданный оборот. С одной стороны, власть и её военно-репрессивный аппарат с первых же дней революции раскололись на сторонников и противников перемен. С другой стороны, полковник Каддафи, правивший страной 42 года, не только не проявлял ни малейшего желания идти на уступки, но и сумел консолидировать вокруг себя достаточное количество сторонников, чтобы противостоять поднимающейся волне. То, что началось в Бенгази и Триполи 17 февраля как мирная революция по тунисскому сценарию, быстро превратилось в гражданскую войну, затянувшуюся на несколько месяцев и стоившую стране тысяч жизней. Жесткая позиция Каддафи послужила сигналом для других арабских правителей, сохранявших контроль над ситуацией. Власти Бах-

¹⁴ International Herald Tribune, 31.05.2011.

рейна жестко расправились с демонстрантами, захватившими в столице Жемчужную площадь. В Сирии режим Башира Асада, колебавшийся между уступками и репрессиями, ужесточил свои позиции — в города, охваченные беспорядками, были введены войска.

События в Ливии не только изменили политический «сценарий» арабских революций, но и вызвали замешательство в рядах левых (больше, правда, в Европе, чем на Ближнем Востоке). Идеологический сумбур усилился, когда на помощь повстанцам в Бенгази пришла авиация Франции, а затем последовало коллективное вмешательство НАТО.

Дискуссия о Ливии, развернувшаяся среди левых в России и Западной Европе, драматическим образом выявила не только весьма поверхностное знание её участниками реальной ситуации в обсуждаемой стране, но ярко продемонстрировала собственные теоретические и моральные проблемы, с которыми сталкивается радикальная интеллигенция, её неготовность к столкновению с реальностью политической борьбы.

Между тем, как часто бывает, «исключительность» Ливии проявлялась вовсе не в том, что здесь были нарушены общие тенденции и закономерности, свойственные революционному процессу, а, наоборот, в том, что тут они проявились в наиболее резкой, даже экстремальной форме. Как отмечала алжирская левая газета «Le Matin», развитие всех националистических режимов было однотипным и «Ливия полностью соответствует этой логике (entre bien dans cette logique), особенно, если учесть сколь тесные отношения связывали Каддафи с

американцами»¹⁵.

Режим полковника Каддафи, правивший страной на протяжении 42 лет, проделал такую же эволюцию, какую мы наблюдаем и в других арабских странах, но эти перемены и шараханья слева направо принимали совершенно гротескный вид из-за особенностей личности экстравагантного диктатора. Однако это отнюдь не отменяет общей логики событий, в которой не было ничего уникального. Когда Муаммар Каддафи захватил власть в стране, весь Арабский Восток переживал подъем национализма, идеологически оформленного в качестве своеобразной «национальной версии» социалистических преобразований. Не только в Египте, Ираке и Сирии правящие круги заявляли о намерении строить социализм, но даже в Тунисе, где у власти находился вполне лояльный Западу президент Бургиба, в ход шла левая риторика в духе европейской социал-демократии. Антиимпериалистический курс арабских правительств, пытавшихся преодолеть остатки колониальной зависимости, был поддержан на техническом, политическом и военном уровне Советским Союзом. Режим Каддафи в Ливии сразу же занял позиции на крайне левом фланге общего процесса и сохранял эти позиции в течение по меньшей мере двух десятилетий. Причем проводимая полковником политика не сводилась к антиимпериалистической риторике, поддержке палестинского сопротивления израильской оккупации и, в некоторых случаях, помощи радикальным террористическим группам, с которыми не решалась иметь дело Москва. Каддафи инициировал ре-

15 Le Matin (Alger), 26.02.2011.

формы, приведшие к реальной демократизации принятия решений на низовом уровне — в этом была суть провозглашенной им «народной джамахирии». Резкий рост цен на нефть в 1973-74 годах привел к тому, что в распоряжении власти оказались значительные средства, направленные в сферу социальной политики. В стране со сравнительно небольшим населением появилась возможность существенно улучшить качество жизни большинства граждан. Медицина стала одним из приоритетов власти. Образование существенно отставало, что проявилось в той же сфере здравоохранения. Построив первоклассные больницы, правительство за 42 года так и не смогло укомплектовать их местным медицинским персоналом соответствующего уровня. Людей лечили русские, египтяне, болгары, тогда как от ливийских врачей пациенты предпочитали держаться подальше (эта ситуация резко контрастирует, например, с опытом Кубы, где коммунистическое правительство не только обеспечило всех граждан страны качественной медицинской помощью, но и обучило, с помощью СССР, собственные профессиональные кадры, которыми восхищается весь мир). Тем не менее, нефтяные доходы реально изменили Ливию, которая из сообщества отсталых племен всё больше превращалась в современное, урбанизированное общество, интегрированное на национальной основе. Единая система образования, перемещение кадров между Востоком и Западом способствовали преодолению исторического разрыва между двумя частями страны — Триполитанией и Киренаикой, формированию общей ливийской идентичности. Однако именно эти достижения подготовили неминуемый конфликт

между модернизирующимся обществом и авторитарной властью, которая — в результате собственных успехов — всё более становилась анахронизмом¹⁶.

Как часто бывает, на вызовы перемен правящая группа отреагировала не демократизацией (чреватой потерей контроля над ситуацией), а наоборот, закручиванием гаек. Причем консолидация власти в руках самого Каддафи — «Национального Лидера» — сопровождалась непрерывным сужением социальной базы режима, который всё больше опирался на лояльные племена и кланы, получавшие преимущество при распределении должностей, ресурсов и доходов. Нарастало противоречие между модернизирующимся обществом и всё более архаизирующейся властью.

Крушение Советского Союза и победа Запада в «Холодной войне» создали новую ситуацию, предопределившую идеологический и геополитический разворот режима Каддафи. Элиты Арабского мира утрачивали свой антиимпериалистический пафос повсеместно, и происходило это ещё задолго до распада СССР. Лидером процесса, как и прежде, был Египет, ранее возглавлявший антиимпериалистический лагерь, но после войны с Израилем в 1973 году переориентировавшийся на Соединенные Штаты.

После 1991 года Каддафи, уловив

16 Сами Заптия (Sami Zaptia), один из авторов «The Tripoli Post», отмечает, что иностранные аналитики, как и сторонники Каддафи «всячески раздували тему трибализма» (have made much of the issue of tribalism). На самом деле Ливия «это в целом достаточно однородное общество» (basically quite a homogenous society). The Tripoli Post, 01.10.2011 : <http://tripolipost.com/article/detail.asp?c=5&i=7033>.

общую тенденцию, со свойственным ему радикализмом и экстравагантно-стью переметнулся с крайне левого фланга на правый. Война в Заливе, во время которой американцы разгромили иракскую армию, вторгшуюся в Кувейт, стала для властей в Триполи переломным моментом. Риторика «Зеленой книги», провозглашающая «уникальность» идейных и социальных основ ливийского режима, прекрасно обеспечивала подобные беспринципные развороты. Учтя печальный опыт режима Саддама Хусейна в Багдаде, полковник Каддафи идет по пути приватизации и либеральных экономических реформ. Комментаторы российской прессы, рассуждавшие в 2011 году о том, что после интервенции Запада начнется дележ ливийской нефти, не удосужились даже выяснить реальное положение дел — месторождения, проекты и производственные мощности были разделены между западными компаниями уже в 1990-е годы. Огромные доходы, поступающие от экспорта топлива, перераспределялись в соответствии с приоритетами новой экономической политики — всё меньше средств вкладывалось внутри страны, зато стремительно рос экспорт капитала. Ливийские компании вкладывали деньги в Европе, скупали акции, финансировали масштабные и дорогие проекты. Прибыли от этой деятельности оседали на счетах в западных банках, не доходя до страны.

Впрочем, полковник Каддафи не ограничивался коммерческими инвестициями. Он вложил около 4 миллионов долларов в Лондонскую школу экономики (LSE), кузницу кадров для неолиберальных режимов, где учился его сын Сейф аль-Ислам. Позднее, когда скандальные подробности

этого дела стали известны, англичане шуточно переименовали это заведение в Ливийскую школу экономики¹⁷. Вкладывались ливийские деньги и в «Оранжевую революцию» на Украине: режим полковника всячески старался продемонстрировать свою полезность Америке.

Как замечает Самир Амин, политика Каддафи в 2000-е годы подчинялась простому принципу: действовать так, чтобы «доставить удовольствие Западу» (*pour faire plaisir aux Occidentaux*). Обратной стороной этого курса оказались растущие противоречия в обществе. Эти действия «самым банальным образом ухудшили социальное положение большинства»¹⁸. В то время как за границей на счетах ливийских компаний накопилось более 160 миллиардов долларов, в стране не хватало жилья для молодежи, которая не могла приобрести квартиры на «перегретом» рынке недвижимости. В столице не могли наладить работу общественного транспорта (у властей не только не нашлось денег на строительство обещанного метро, но они не смогли даже организовать движение автобусов). Безработица достигла 30% взрослого населения, в основном среди молодежи¹⁹. Как и в соседних Тунисе и Египте, образованные люди не находили себе применения. “The Tripoli Post” конста-

17 Подробнее об отношениях Каддафи и Лондонской школы экономики см.: The Guardian, 2.03.2011. См. Также: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=433234>.

18 S. Amin. 2011: le printemps arabe? Nouveaux cahiers du socialisme, 22 mai 2011: <http://www.cahiersdusocialisme.org/2011/05/22/2011-le-printemps-arabe/>.

19 См. The Tripoli Post, 22.09.2011: <http://www.tripolipost.com/articledetail.asp?c=5&i=6966>

тирует, что «не удалось обеспечить хорошую работу для ежегодно приходящих на рынок труда тысяч университетских выпускников. Слишком многие из них оказались предоставлены сами себе — без какой-либо перспективы, академической или профессиональной»²⁰.

Геополитика Арабской Весны

Эволюция каддафистского правительства вполне соответствовала общей траектории вырождения постколониальных националистических режимов в Арабском Мире и странах Африки. Уникальность ливийской ситуации состояла лишь в том, что в большинстве других государств эта эволюция сопровождалась сменой поколений внутри руководства, тогда как в Триполи полковник Каддафи 42 года оставался на своем месте, играя поочередно роли, которые в соседнем Египте играли Насер, Садат и Мубарак.

Не удивительно, что массовые народные выступления в Алжире, Тунисе, Йемене и Египте отожделись эхом демонстраций на улицах Бенгази, Тобрука и Триполи. Но «революция 17 февраля», как стали называть эти события в Ливии, обернулась не мирной передачей власти, а гражданской войной. Режим раскололся, но семейство Каддафи сохранило часть своих позиций, опираясь на господствующий клан и его клиентелу. Восстание достигло успеха на Востоке страны в Тобруке и Бенгази, но было подавлено в Триполи. Борьба не только приняла затяжной характер, но и спрово-

воцировала интервенцию западных держав.

Не только в Ливии, но ещё раньше в Египте и Тунисе западные политики, осознав неизбежность перемен, резко переориентировались с поддержки правящих диктаторских режимов на поддержку революций. Этот поворот был вызван вполне естественными прагматическими интересами. Запад стремился не только наладить связи с формирующейся новой властью, но и влиять на неё, удерживая от излишнего радикализма. В этом плане сотрудничество с революционными движениями выглядело гораздо более эффективной тактикой сдерживания революции, чем бесполезные попытки подавить выступление масс.

Как всегда, вмешательство Запада мотивировалось заботой о распространении демократии и защите мирного населения. Однако в Ливии, где дело дошло до военных операций, резкий переход европейской и американской дипломатии от сотрудничества с диктаторским режимом к борьбе против него оказался гораздо более болезненным, драматичным и скандальным, чем в других случаях. Требование вооруженного вмешательства было озвучено Францией при явном неодобрении Германии, растерянности в Англии, панике в Италии и почти открытом противодействии Соединенных Штатов.

Резолюцию 1973 в Организации Объединенных Наций, одобряющую гуманитарную интервенцию ради защиты мирного населения Бенгази и других регионов, которым грозила расправа со стороны Каддафи, поддержала Лига Арабских Государств,

²⁰ The Tripoli Post, 24.09.2011: <http://tripoli-post.com/articledetail.asp?c=5&i=6982>

признавая, что режим Каддафи «утратил легитимность»²¹. Напротив, со стороны Запада ни единства, ни энтузиазма не наблюдалось. В то время как Франция активно проталкивала в ООН резолюцию 1973, правительство Германии отказалась поддерживать Париж в этом деле. Немцы не предоставили свои самолеты для операции в Ливии. Аналогичную позицию заняло и консервативное правительство Норвегии. Обозреватель «The Wall Street Journal» Макс Бут (Max Boot) негодовал: «Вспомним, эта администрация не хотела применять военную силу до 17 марта, спустя месяц после начала восстания против Каддафи. Неделями представители повстанцев просили о помощи Запад, чтобы обеспечить в небе «зону, свободную от полетов», и прекратить удары авиации Каддафи по взбунтовавшимся городам. Мистер Обама всё это игнорировал, позволяя Каддафи вернуть себе утраченные позиции. И лишь тогда, когда восстание было почти задушено, когда ливийская армия стояла у пригородов Бенгази, мистер Обама наконец согласился поддержать предложения Франции и Британии в Организации Объединенных Наций»²².

При обсуждении проекта резолюции ООН американские дипломаты, не решавшиеся открыто выступить против «гуманитарной интервенции», явно надеялись на вето со стороны России или Китая, переговоры с которыми велись в нарочито мягком и двусмысленном тоне. Однако, к огорчению американцев, Москва неужи-

данно поддержала резолюцию, оставив западные страны один на один с проблемой, которую они явно не хотели решать.

Дмитрий Rogozin, представитель России в брюссельской штабквартире Североатлантического Альянса констатировал, что Ливия «спровоцировала серьезный кризис внутри НАТО»²³, а некоторые военные аналитики даже заявляли, что эта операция «привела к расколу» в его рядах²⁴. Разногласия действительно были беспрецедентными. В Брюсселе развернулась скандальная комедия: сначала НАТО отказывалась взять на себя выполнение резолюции ООН, затем под давлением Франции союзники согласились, но никто не рвался руководить операцией. Американцы и европейцы всеми силами пытались спихнуть ответственность друг на друга. На фоне панического поведения политиков военные не понимали, каковы цели и задачи боевых действий.

Масштабы операции были весьма скромными по сравнению с военными действиями, которые западные силы вели в Ираке, Афганистане и ещё раньше на Балканах. Российские военные аналитики констатировали, что самолетов было задействовано «крайне мало»²⁵. В июле 2011 года Макс Бут на страницах «The Wall Street Journal» подсчитал, что за 78 дней боевых действий в Косово западная авиация, использовав 1100 самолетов, сделала 38004 вылета. В Ливии,

23 См. http://shualey.blogspot.com/2011/03/blog-post_8443.html.

24 Военное обозрение, 8.08.2011: <http://www.topwar.ru/6023-voennaya-operaciya-v-livii-privela-k-raskolu-v-nato.html>.

25 Там же.

21 Le Matin (Alger), 6.03.2011: <http://www.lematindz.net/news/3865-libye-des-pays-arabes-pretis-a-participer-a-une-operation-militaire.html>.

22 The Wall Street Journal. 19.07.2011.
150

несмотря на близость театра военных действий к основным базам западной авиации, задействовали всего 250 самолетов, которые сделали всего 11107 боевых вылетов²⁶. Ещё более разителен был контраст с военными действиями, которые американцы и их союзники ранее вели против Ирака. Операция «Буря в пустыне», которая так напугала в 1991 году полковника Каддафи, продолжалась всего 43 дня и сопровождалась 109876 боевыми вылетами — в среднем более двух с половиной тысяч в день. В «мирный» период между двумя иракскими войнами американцы сделали над этой страной 41850 боевых вылетов, а в ходе второй иракской войны ежедневно по целям в этой стране работало в среднем 565 самолетов. На этом фоне 57 вылетов в день, совершавшиеся коалицией в Ливии, выглядят просто жалкой пародией²⁷. Плохо скоординированная, неподготовленная и хаотичная воздушная интервенция к середине весны зашла в тупик. К началу лета неудачу операции констатировали все — от каддафистов до повстанцев, от западных экспертов до российских военных обозревателей. Судьба страны оказалась в руках повстанческих полевых командиров и собравшихся вокруг них людей в западных горах Ливии.

Между тем ничуть не меньшие разногласия и растерянность вызвало происходящее среди традиционных критиков западного империализма. Приходится признать, что события в Ливии раскололи в конечном счете не НАТО, а левых. С одной стороны, было слишком очевидно, что орга-

низаторы интервенции, что бы они ни говорили о её гуманитарных задачах, руководствовались отнюдь не заботой о мирных жителях Ливии. Об этом писали и многие сторонники ливийской революции в арабской прессе. С другой стороны, если бы в данном случае НАТО воздержался бы от вмешательства, левые первыми бы критиковали лицемерие и двойные стандарты Альянса, который вспоминает о своих «гуманитарных задачах» лишь тогда, когда это ему выгодно. Собственно, такая критика уже начала звучать в связи с нежеланием Запада вмешиваться в Йемене и Сирии. Весной 2011 года, помогая революционерам в Ливии, Запад сквозь пальцы смотрел на репрессии против мирных демонстрантов в Бахрейне, где был расквартирован американский флот.

Некоторые арабские авторы, напротив, призывали переосмыслить роль Запада в регионе, подчеркивая, что ситуация в Ливии не имеет ничего общего с тем, что имело место в Ираке или Косово. Разумеется, НАТО это «коалиция, созданная для того, чтобы защищать интересы мирового и в первую очередь западного капитала и подавлять народы», — пишет Абделькадер Саадаллах (Abdelkader Saadallah) на страницах левой алжирской газеты «Le Matin», — но на сей раз коалиция НАТО вмешалась, чтобы предотвратить резню населения в Бенгази». Отсюда автор делает вывод: «На сей раз речь не идет о неокOLONIAЛИСТСКОЙ и империалистической агрессии»²⁸. Известный арабский ученый Мохаммед Эл Масри (Mohamed Elmasry) доказывал, что даже самая негативная оценка роли, которую Запад исторически сыграл

26 См. The Wall Street Journal. 19.07.2011.

27 См. Inprecor, juillet-août-septembre 2011, Nr. 575/576, p. 49.

28 Le Matin (Alger), 1.09.2011

на Ближнем Востоке, ничего не меняет, поскольку восставший народ Ливии «просто не имел выбора» (had no choice)²⁹.

Ещё более активно в поддержку интервенции высказался известный специалист по Ближнему Востоку Хуан Коул (Juan Cole). По его мнению, совершенно беспочвенны утверждения тех, кто считает, будто Запад стремится в ходе интервенции захватить ливийскую нефть. «Ливия была давно интегрирована в мировые нефтяные рынки, она провернула тысячи сделок с BP, ENI и другими гигантами. Ни одна из этих компаний не стала бы подвергать риску свои контракты, свергая правителя, который их подписывал. Все эти компании уже прошли через мучительную борьбу за контракты в послевоенном Ираке, где их прибыль оказалась в разы меньше, чем им бы хотелось. Доходы ENI, также как и доходы Total SA и Repsol, в ходе ливийской революции упали. Кроме того, уход в результате военной интервенции НАТО ливийской нефти с рынка предсказуемо повысил цены на нефть, чему не обрадовался ни один западный лидер, тем более Барак Обама, так как скачок цен на энергоресурсы может продлить экономическую депрессию»³⁰.

Впрочем, как бы ни были убедительны аргументы Коула, они отнюдь не доказывают отсутствие у коалиции корыстного интереса по отношению к Ливии. Империалистические интересы, безусловно, предопределяли принимаемые решения, но совершенно

не в духе примитивной геополитики, которую воображают себе догматики, живущие представлениями середины XIX века. Другой вопрос, что стратегия западных стран в данном случае была не наступательная, а оборонительная. Они боролись не за то, чтобы приобрести те или иные рынки и ресурсы, а за то, чтобы не потерять их. Одновременно в рамках самой коалиции шла острая борьба между Францией, стремящейся расширить свое влияние и авторитет в регионе, и Соединенными Штатами, постепенно утрачивающими вместе с Англией свои позиции.

Критика левыми западной интервенции и разоблачение её истинных империалистических мотивов была совершенно оправданной и необходимой. И всё же невозможно полностью отмахнуться от возникающих в этой связи моральных вопросов. Разумеется, было бы «правильнее» с идеологической точки зрения и даже с точки зрения развития социально-политической динамики процесса, чтобы революция обходилась без внешнего вмешательства и воздействия. Но, увы, этот фактор неизбежно имел место во всех революционных конфликтах, начиная с поддержанной Лондоном войны Латинской Америки за независимость. Можем ли считать предпочтительным вариантом потерю тысяч жизней, которая была бы неизбежной, в случае боев за Бенгази? Стоит ли подвергать риску революционное развитие ради заботы о его «чистоте» или ради проверки нашей теоретической гипотезы? В этом смысле очень показательно высказывание одного из революционных лидеров Азелдина Эл-Шарифа в интервью французскому марксистскому журналу «Инпрекор».

29 The Tripoli Post, 6.09.2011: <http://www.tripolipost.com/article/detail.asp?c=5&i=6848>

30 J. Cole. Top Ten Myths about the Libya War: <http://www.juancole.com/2011/08/top-ten-myths-about-the-libya-war.html>.

Участники восстания прекрасно знают, к чему привело вмешательство Запада в Палестине, Афганистане и Ираке, «не надо думать, будто ливийцы безграмотны». Но какой был смысл со стороны западных левых критиковать сотрудничество повстанцев с НАТО, «не предлагая никакой конкретной альтернативы»³¹.

Определенный шанс избежать западного вмешательства существовал весной 2011 года, когда и сами ливийские повстанцы и многие их сторонники на Ближнем Востоке возлагали надежды на вмешательство соседних арабских стран, которые могли бы взять на себя выполнение резолюции 1973. Однако военное правительство, пришедшее к власти в Каире после падения режима Мубарака, устранилось от ливийского кризиса.

В самом Египте такая позиция властей вызвала серьезное недовольство. Египетская пресса отмечала, что массы «как и следовало ожидать, поддержали восстание ливийцев

против многолетней диктатуры Каддафи гораздо более решительно, чем власти»³². По словам “The Egyptian Gazette”, вмешательство в Ливии было необходимо для того, чтобы решить одну из задач своей собственной революции – “восстановить региональное лидерство, некогда принадлежавшее Египту» (revive Egypt’s one-time regional clout)³³.

Но военные, оказавшиеся у власти в Каире, были отнюдь не в восторге от развития революционного процесса и продолжения Арабской Весны. Формальным поводом для того, чтобы устраниваться от участия в разрешении ливийского кризиса была забота о безопасности египтян, оказавшихся заложниками режима Каддафи. «Они утверждали, что в Ливии всё ещё ходят тысячи египетских рабочих и наша помощь восставшим поставит под угрозу их жизни»³⁴.

О вмешательстве арабов мечтали и ливийские повстанцы, подчеркивавшие, что не желают присутствия западных сил на своей территории. Однако позиция Египта оставалась неизменной. Страх перед развитием революции перевешивал возможные геополитические выгоды.

В марте интервенция НАТО помешала войскам Каддафи войти в Бенгази. Как могли развиваться события

31 Inprecor, juillet-août-septembre 2011, Nr. 575/576, p. 45. Значительная часть радикальных левых отделилась от проблемы идеологически безупречными, но и политически бессодержательными резолюциями. Например: «поддержка повстанцев в борьбе с диктатурой Каддафи, но не оказывать политической поддержки Национальному переходному совету» (Convergencia de izquierda [Buenos Aires], 15.09.2011). Что означала эта позиция в условиях гражданской войны, которую повстанцы вели под руководством НПС? Но гораздо более серьезный вопрос состоял в том, как подобная (или любая другая) «идеологически верная» позиция отражалась на практической деятельности организации, предполагала ли она вообще хоть какие-то действия. Если за принятием позиции действий или выводов для постановки собственных текущих задач не следует, то и позицию нет никакого смысла занимать.

32 The Egyptian Gazette, 1.09.2011: <http://213.158.162.45/~egyptian/index.php?action=news&id=20699&title=Opinion:%20Withering%20in%20the%20E2%80%98Libyan%20Spring%E2%80%99>.

33 The Egyptian Gazette, 13.09.2011: <http://213.158.162.45/~egyptian/index.php?action=news&id=20699&title=Opinion:%20Withering%20in%20the%20E2%80%98Libyan%20Spring%E2%80%99>.

34 Ibid.

в случае, если бы Запад всё же не решился на интервенцию, сказать трудно — в пустыне отряды повстанцев, не имея поддержки с воздуха, были бессильны против танковых колонн регулярной армии, но как показали бои в Мисурате, Аз-Завии и позднее в Триполи, на улицах городов бронетехника теряла свои преимущества.

К началу лета фронт Ливийской войны стабилизировался. Но за линией фронта и непосредственно на передовой происходили процессы, предопределившие исход борьбы.

Как отмечает Хуан Коул, внимание прессы и военных обозревателей было приковано к району Адждабии, где шли позиционные бои. «Но двумя самыми активными фронтами были Мисурата и пригороды, а также регион Западных гор. Оборона Мисураты — это эпическая битва подобная Сталинграду. Войска Каддафи, в конце концов, при поддержке НАТО были отброшены назад, а затем постепенно вытеснены дальше на запад по направлению к Триполи. Самые драматические бои и победы свершились в заселенном преимущественно берберами регионе Западных гор, где опять же танковые бригады Каддафи безжалостно обстреливали маленькие города и села, но были отбиты (здесь НАТО помогал уже в гораздо меньшей степени, так как его стратегии недооценивали важность этого театра военных действий). Вооруженные добровольцы именно из этого региона впоследствии овладели Завией при поддержке жителей города, отрезав тем самым Триполи от снабжения топливом и боеприпасами, поступающими из Туниса. Падение столицы было предопределено. Любой внимательный военный обозреватель увидит постоянное движение — вна-

чале в Мисурате, затем в Западных горах»³⁵.

Именно в эти дни африканские Чапаевы и ливийские Махно со своими джипами-тачанками решили судьбу войны. Они постепенно создали собственную армию, отстранили со своих постов ненадежных генералов, которых подозревали в ведении двойной игры, наладили связи с подпольем в Триполи и консолидировали поддержку своей борьбы среди населения западных провинций, где прежде режим сохранял немало сторонников. Они смогли преодолеть племенные и клановые различия, впрочем, уже размытые процессами модернизации, объединив людей совместной борьбой, создали условия для революции, которая самым радикальным образом трансформирует снизу характер ливийского и африканского общества. Оружие теперь было в руках народа, а политика — в руках полевых командиров, из этого народа вышедших.

Революция и интервенция

Вмешательство Запада не могло не породить новых противоречий и не обострить уже существующие разногласия в самом революционном лагере. Если в Тунисе, где первая фаза восстания прошла сравнительно быстро, и в Египте, где обошлось без вооруженной борьбы, эти конфликты были отложены до «второго акта революции», то в Ливии они дали о себе знать уже на более раннем этапе. Проявлением этого стало дело ге-

35 J. Cole. Op. cit.: <http://www.juancole.com/2011/08/top-ten-myths-about-the-libya-war.html>.

нерала Юниса.

После того, как на восточном фронте возникла в начале лета патовая ситуация, среди повстанцев распространилось подозрение, что Запад не ставит перед собой цели содействовать освобождению Ливии, а стремится, по аналогии с Косово, превратить Киренаику, богатый нефтью восток страны в свой протекторат, оторвав его от Триполитании. Взаимная подозрительность усилилась, когда прозвучали слова генерального секретаря НАТО Андерса Фог Расмуссена (Anders Fogh Rasmussen) о том, что «не существует военного решения» конфликта в Ливии³⁶.

В европейскую и арабскую прессу начали просачиваться сведения о сепаратных переговорах Запада с режимом Каддафи. Сын диктатора Сейф Каддафи прямо сообщал, что «мы ведем сейчас переговоры с Парижем»³⁷. А со своей стороны французский министр иностранных дел Ален Жуппе (Alain Juppé) прямо заявлял, что в случае, если диктатор откажется от руководства страной, с него могут быть сняты все обвинения. Сохранение режима в прежнем виде было невозможно: «Каддафи дискредитирован, — объяснял Жуппе. — Применение силы против населения сделало неизбежным требование его отставки (*conduit à demander son départ*)»³⁸. Это требование, однако, вовсе не означало необходимости радикальных общественных или политических перемен. От бывшего диктатора не требовали даже покинуть

Ливию. Достаточно было передать власть кому-то из своих сподручных.

Аналогичную позицию изложил в начале августа представителям ливийских властей Дэвид Уэлч (David Welch), бывший заместитель государственного секретаря США при Джордже Буше. В ливийских делах Уэлч был далеко не новичком, именно он возглавлял дипломатические отношения между двумя странами в 2008 году. В Вашингтоне он был известен как человек, тесно связанный с нефтяными корпорациями. Формально к действующей администрации он вроде бы отношения не имел, но содержание разговора, состоявшегося в Каире, однозначно свидетельствовало: представлял американец не только самого себя. В протоколе беседы, который был обнаружен в Триполи после победы повстанцев, черным по белому записано, что Уэлч обещал передать содержание переговоров администрации США, влиятельным людям в конгрессе и других Вашингтонских структурах³⁹.

Западная дипломатия упорно пыталась уговорить Каддафи пойти на какие-то символические уступки, после которых можно было бы объявить интервенцию успешно законченной. Достаточно было бы лишь заявить о предстоящей отставке «национального лидера» и декларировать готовность к национальному примирению. Об этом недвусмысленно говорил Жуппе: «Это то, чего мы ждем, чтобы политически обеспечить прекращение огня (*déclencher le processus politique du cessez-le-feu*)»⁴⁰.

36 Независимая газета, 12.04.2011.

37 Inprecor, juillet-août-septembre 2011, Nr. 575/576, p. 51.

38 Le Matin (Alger), 07.04.2011.

39 См. подробнее: Б. Кагарлицкий.

Скелеты из шкафов полковника: <http://vz.ru/opinions/2011/9/5/519935.html>.

40 Le Matin (Alger), 20.07.2011.

Смысл этих усилий состоял в том, чтобы с помощью сепаратных переговоров между Западом и режимом в Триполи навязать ливийскому народу либо разделение страны, либо «каддафизм» без Каддафи, порядок, при котором всё продолжалось бы по старому, но под контролем европейцев, которые могли бы гарантировать неприкосновенность представителям обеих сторон в рамках «политической преемственности». Такое поведение западных «союзников» революции вызывало возрастающее раздражение в Ливии. Об этом публично заявил генерал Абдул Фатах Юнис (Abdul-Fattah Younès), начальник штаба повстанцев на пресс-конференции в Бенгази: «Или НАТО выполняет свои обязательства, или мы просим Совет безопасности приостановить его действия. Мисурата подвергается полному уничтожению. НАТО защищает нас периодическими бомбардировками, но позволяет людям Мисураты умирать каждый день. НАТО разочаровала нас»⁴¹.

Со своей стороны, западные союзники сделали ставку на соперника Юниса, полковника Халифа Хафтара (Khalifa Haftar), прибывшего из Соединенных Штатов и не скрывавшего своих связей с ЦРУ. Вскоре после критических выступлений Юниса в адрес НАТО, он был отозван с фронта и убит при загадочных обстоятельствах вместе с двумя своими сотрудниками — Мухаммедом Хамисом (Mohammed Khamis) и Нассером Мадхуром (Nasser Madhour). Революционные власти в Бенгази винили в произошедшем агентов Каддафи, которые «проникли в наши ряды (essaient de

propager dans nos rangs)»⁴². Между тем и в Бенгази, и за границей многие подозревали, что убийство Юниса потребовалось для того, чтобы расчистить дорогу к власти полковнику Хафтару. Этого, однако, не случилось. На место Юниса был назначен генерал Сулейман Махмуд (Suleiman Mahmoud) из Тобрука, а на местах реальный контроль оказался в руках полевых командиров, наиболее известным из которых стал Абдул-Хахим Белхадж.

Благодаря их усилиям в августе наметился резкий перелом в ходе боевых действий. К изумлению большинства экспертов и наблюдателей, повстанцы начали широкомасштабное наступление на западе страны и ворвались в столицу. «Успех последних дней восстания был обусловлен народным бунтом в районах столицы, — объясняет Хуан Коул, — жители этих районов взвалили на себя львиную долю работы по низвержению режима секретной полиции и военной клики. Успех был таким ошеломляющим, что когда революционные бригады вошли в город с запада, они почти не встретили сопротивления, прошеествовав прямо в центр столицы»⁴³. Сторонники Каддафи некоторое время удерживали позиции своих кланов в своих столицах — Сирте и Бани-Валиде, где революционные отряды (в отличие от армии прежнего режима) на первых порах не решались применять тяжелое вооружение, чтобы свести к минимуму потери среди местных жителей, но исход дела был предreshен. После того, как бывший

⁴² Le Matin (Alger), 30.07.2011.

⁴¹ См. S. Ghannoushi. Dueling legitimacies in Libya: <http://english.aljazeera.net/indepth/opinion/2011/09/2011191471810380175.html>.

⁴³ J. Cole. Op. cit.: <http://www.juancole.com/2011/08/top-ten-myths-about-the-libya-war.html>.

диктатор был схвачен и линчеван, боевые действия затихли — настало время политической борьбы.

Победа повстанцев в Ливии оказалась кульминацией «первого акта» Арабской Весны. Вскоре после взятия Триполи возобновились массовые волнения в Йемене и Бахрейне, в Сирии оппозиция взялась по примеру ливийцев за оружие. В октябре йеменский президент Салех в очередной раз пообещал отречься от власти, но ему уже не верили. В ноябре президент Асад пошел на уступки Лиге Арабских Государств, объявив о предстоящем освобождении политзаключенных и выводе войск с улиц восстановших городов.

Однако именно эти успехи народного движения поставили вопрос о будущем революции. Ни Тунис, ни Египет, где авторитарная власть уступила место переходному правительству, не успокаивались. Вместо нормализации и стабильности, о которой мечтали буржуазия и верхняя часть среднего класса, начинается эскалация революции. По мере того, как люди осознают новые возможности, связанные с завоеванной свободой, в процесс перемен втягиваются всё новые слои, выдвигаются всё новые требования. Египетские предприятия охватила волна забастовок. В Тунисе стремительно развивалось студенческое движение. Газета «La presse de Tunisie» констатировала, что в университетах происходит «глубочайшая демократизация» (*une formidable démocratisation*). Была введена выборность всех ключевых лиц — ректоров, деканов, заведующих кафедрами, причем в этом процессе профсоюзы и студенты «могут

выступить активными участниками (*se motre partisipatifs*)»⁴⁴.

Демонстрации и митинги происходили постоянно, на предприятиях активизировались профсоюзы. Протестовали даже полицейские. Испуганная буржуазия и близкая к ней пресса возмущалась: «Несмотря на то, что Временное правительство дало четкие указания о том, как жить дальше, в стране нарастает анархия, грозящая потерей человеческих жизней и большим материальным ущербом (*dégâts matériels importants*), всё это может кончиться регрессом и торжеством предрассудков»⁴⁵. Египетские буржуазные издания также сетовали на неконтролируемые протесты, которые устраивают «преступные элементы, анархисты, саботажники и те, кто сохраняет верность преступному режиму Мубарака»⁴⁶. Более трезвые комментаторы замечали, что военное правительство Египта не сможет справиться с народной волной до тех пор, пока в обществе не начнутся социальные, а не только политические перемены: «В то время как они изо всех сил пытаются удержать людей от выхода на улицы, они не делают почти ничего, чтобы решить проблемы, из-за которых народ бунтует»⁴⁷. Непокойно было и в Ливии, где либеральная верхушка Национального Переходного Совета оказалась под огнем жесткой критики снизу. Газе-

44 La Presse de Tunisie, 12.09.2011.

45 Ibid.

46 The Egyptian Gazette, 11.09.2011: <http://213.158.162.45/~egyptian/index.php?action=news&id=20966&title=Opinion:%20Revolution%20descends%20into%20anarchy>

47 Daily News Egypt, 8.07.2011: <http://www.thedailynewsegypt.com/editorial/editorial-in-egypt-a-second-uprising.html>.

та «The Tripoli Post» предсказывала в сентябре 2011 года, что развитие событий в стране зависит от того, когда и в какой форме сложится оппозиция «по отношению к оппозиционным силам, которые возглавляют переходное правительство»⁴⁸.

Однако, если недовольство ходом революции со стороны буржуазии более, чем понятно, то, на первый взгляд, куда сложнее объяснить крайнее смятение и раздражение, которое Арабская Весна вызвала в левых кругах на Западе и в России. Разумеется, поводом выразить все эти чувства было вмешательство, интервенция западных сил в Ливии (причем те, кто поддержали интервенцию, были не менее дезориентированы и растеряны, чем те, кто её осуждали). Однако за рассуждениями о ливийском «частном случае» почти сразу же обнаруживается более общее недовольство «неправильными революциями», происходящими без руководства левой партии, без последовательной пролетарской программы и вообще совершенно не так, как положено в соответствии с теориями из популярных марксистских книжек.

Арабские массы и события представлялись многим левым аналитикам бессмысленной толпой, готовой на борьбу и самопожертвование, но заведомо обреченной на то, чтобы стать жертвой политической демагогии, манипуляций, и способной в лучшем случае только на разрушение.

Даже отважный Орхан Джемаль, который прошел с повстанцами изрядную часть ливийской войны, говорил о наивности арабских революционеров, которые «являются политически-

ми романтиками»⁴⁹ и не понимают, что «все основные сложности впереди, и что победа над диктатором Каддафи – это еще не полная победа и пока еще не счастье»⁵⁰. Подобные настроения не чужды были и некоторым арабским левым. «Не может быть революции без революционного проекта, без авангарда, без харизматических фигур», – сетовала писательница Фадела Мрабет (Fadéla M'rabet) на страницах алжирской «Le Matin»⁵¹. А Самир Амин предсказывал, что с теми лидерами, каких получила Ливия после революции, ничего путного заведомо не получится: «Непонятно, что это за люди, из которых состоит Национальный переходный совет в Бенгази. Среди них, видимо, есть честные демократы, но наверняка есть также исламисты и, хуже того (les pires d'entre eux), регионалисты»⁵².

И в самом деле, за эйфорией первых побед неминуемо следовало осознание неопределенности дальнейшего пути, обнаруживалось отсутствие в обществе четкой программы преобразований. Даже либеральная пресса признавала, что в условиях острейшего социально-экономического кризиса «революционные силы не предлагают внятных и серьезных альтернатив, за исключением чисто политических вопросов. Что ещё хуже, они даже не хотят обдумывать подобные альтернативы»⁵³. Впрочем, не было

49 О. Джемаль. Домино-революция: <http://chernovik.net/news/441/POLITICS/2011/05/20/12007>.

50 О. Джемаль. Ливийцы ещё не поняли, что им грозит: <http://www.nakanune.ru/articles/15771/>.

51 Le Matin (Alger), 15.06.2011.

52 S. Amin. Op. cit.

53 Al-Ahram Weekly, Issue No. 1061, 18-

полной ясности даже в политических вопросах: «После 14 января тунисцы знают, чего они не хотят: деспотизма и концентрации власти. Но они не имеют ни малейшего представления, каким режимом это заменить», – писала тунисская газета⁵⁴.

Политолог и председатель правления газеты «Аль-Ахрам» Абдель-Монейм Саид (Abdel-Moneim Said) также подчеркивал, что происходящая революция призвана изменить общество «не только за счет перехода к открытому политическому процессу, но и за счет формирования полноценной программы развития и борьбы с коррупцией»⁵⁵. Понятно, что дальше призывов к искоренению коррупции либеральная общественная мысль не идет, но в размышлениях Абдель-Монейма Саида интересно другое. Осмысливая происходящие в Египте события, он приходит к выводу, что во время Французской Революции «ситуация в смысле политической и социальной зрелости была почти такой же, а в результате французы устроили резню и в течение двух десятилетий угрожали независимости других государств по всей Европе»⁵⁶.

Есть сходство событий, происходящих на Арабском Востоке в начале XXI века, и потрясений, которые переживала Европа за два столетия до этого. Однако то, что сегодня кажется умеренным либералам кошмаром и

кровавым хаосом, представляло собой закономерный результат выхода на политическую сцену народных масс, ранее лишенных возможности влиять на общественную жизнь. Революция действительно сопровождалась террором и разрушением, но она же закладывала фундамент демократического общества, выходя далеко за рамки специфических задач буржуазного преобразования. Именно это, а вовсе не якобинский террор, делает Французскую революцию столь неприятной для многих буржуазных мыслителей, но именно это обстоятельство сделало её одним из важнейших событий в мировой истории, образцом и моделью, к которым мы возвращаемся снова и снова, всякий раз, когда в повестку дня встает изменение общества.

Со своей стороны, левые аналитики, прогнозируя сценарии арабских революций, не проявили большой оригинальности, повторяя пророчества консервативных авторов, обещающих странам, освободившимся от жесткого авторитарного режима, всевозможные ужасы — распад государства, противостояние племен и регионов, захват власти исламскими фундаменталистами, расправу с этническими и религиозными меньшинствами, террор и хаос. Независимо от того, какие конкретные доводы, исторические события или логические аргументы приводились для обоснования подобных прогнозов, в основе их всегда лежала твердая вера, что народы, предоставленные самим себе, вырвавшиеся на свободу, ничего хорошего сотворить не могут. На более глубоком уровне, этот тип мышления опирается на глубочайшее недоверие и страх перед демократией, как, впрочем, и не менее укорененный,

24.08.2011. Online edition <http://weekly.ahram.org.eg/2011/1061/op1.htm>.

54 La presse de Tunisie, 13.09.2011 (<http://www.lapresse.tn/13092011/36685/y-aurait-il-un-modele-tunisien.html>).

55 Al-Ahram Weekly 18 - 24 August 2011, Issue No. 1061. Online edition: <http://weekly.ahram.org.eg/2011/1061/op1.htm>

56 Ibid.

хотя и не всегда осознанный, расизм (забавно, что порой расистские аргументы подаются под видом борьбы с «евроцентризмом» — например, когда доказывают, будто народам Востока в силу «культурной специфики» не нужны гарантии прав личности, демократия и прочие «западные» изобретения). Левые, ничуть не меньше, чем правые, пускались во всевозможные политологические спекуляции, презрительно игнорируя экономические и социальные процессы, не говоря уже о твердой уверенности в том, что массы как таковые ничего самостоятельного и осмысленно сделать неспособны. Внимание концентрировалось не на социальных условиях и массах, а на лидерах, традиционных идеологиях и партиях (без учета того, как все эти идеологии и партии развиваются, разлагаются и «мутируют» в ходе революции).

Разумеется, массы не надо идеализировать. Но их необходимо понимать. Однако именно презрение к массам, иногда осознанное, элитаристское, а порой бессознательное, выражающееся в изначальном неприятии «неправильного», с точки зрения собственных идеологических представлений, процесса было характерно для значительной части левых, не только на Западе, но и в самом арабском мире. Парадоксальным образом, эта ситуация выявила сложившийся в левом лагере непреодолимый разрыв между революционной риторикой и революционной политикой. Первая не только не была связана со второй, но и оказывалось очевидным признаком нежелания заниматься реальной борьбой за массы, реальной работой по преобразованию общества через мобилизацию его реальных возможностей и реаль-

ного потенциала. За рассуждениями о классовой борьбе скрывалось пренебрежительное нежелание говорить с трудящимися классами на их языке и об их проблемах.

Все великие революции были «неправильными» с точки зрения догматических схем, которыми руководствовались благоустроенная левая публика — будь то академические интеллектуалы, бюрократы крупных партий или сектантские группы, наслаждающиеся своей избранностью. Неправильной была русская революция 1917 года в глазах социал-демократов, Коминтерн не понимал политики крестьянской войны, которую Мао развернул в Китае, а революции на Кубе или в Никарагуа и вовсе были встречены с осуждением местными коммунистическими партиями. Да и победу Чавеса в Венесуэле значительная часть тамошних и латиноамериканских левых встретили как скандальное нарушение всех мыслимых правил.

Ленин, Мао, Че Гевара — все они были великими революционерами именно потому, что находили в себе смелость порвать с господствующей в левой среде ортодоксией. Они побеждали потому, что их практические действия были продиктованы собственным пониманием исторического момента и характера социальных противоречий, а не догмами, в которых затвердел не переосмысленный и не пропущенный через новую практику опыт прошлых поколений.

Политический ислам

Историческое значение великих революционных переворотов состоит,

среди прочего, в том, что они радикально ломают установившиеся стереотипы и заранее заготовленные «нормы» политического и социального действия, заставляя нас не просто переосмысливать теорию, но и определять свою позицию по отношению к этим новым фактам. Не исключено, что именно отношение к Арабской Весне станет таким же фактором размежевания в левом лагере, каким в 1917 году стало отношение к русскому Октябрю. Вопрос о том, кто из левых является сторонником революции, а кто — просто любителем радикальной риторики и знатоком марксистских цитат, определяется именно отношением к борьбе масс и их реальной политической практике. Ведь за осуждением чужой «неправильной» революции с логической неизбежностью следовала неспособность и нежелание участвовать в практической политике реального действия у себя в стране, замена борьбы за массы и борьбы за власть интеллектуально-символическими упражнениями и рутинным воспроизводством заведомо неэффективной, но привычной, удобной и, по большей части, безобидной практики.

Отсюда, однако, не следует, что негативные прогнозы и предостережения, произнесенные критиками революционного процесса, надо отвергать с порога. Наиболее серьезной проблемой, как теоретической, так и практической, вставшей перед левыми в ходе Арабской Весны оказалось влияние религии, причем не только в форме «политического ислама», получившего право на легальное существование, но и в качестве традиции, остающейся значимой для вошедших в политику многомиллионных масс.

Сравнение с Ираном 1970-х годов,

регулярно мелькающее в комментариях, посвященных арабским событиям, не столько проливает свет на происходящие процессы, сколько демонстрирует, как мало задумывались авторы над историческим смыслом и уроками самой иранской революции. После торжества аятоллы Хомейни в Иране тема ислама как бы гипнотизирует аналитиков, заставляя их забыть о конкретных социальных интересах и борьбе между ними. Между тем в Иране 1970-х годов под лозунгами ислама происходили процессы весьма похожие на то, что можно было наблюдать в ходе других революций под другими лозунгами. И даже религиозное оформление политических программ отнюдь не было порождено персидской «спецификой», ведь таким же образом оформлялись они и во время ранних буржуазных революций в Голландии и Англии. Специфика Иранской революции состояла не в исламе как таковом, а в том, что возглавляемая Хомейни духовно-политическая корпорация смогла эффективно использовать религию для консолидации своей власти, придушив революцию на ранней фазе, установив превентивную «термидорианскую» диктатуру ещё до того, как свой шанс получили персидские якобинцы: народные моджахеды, федаины, маоисты и прочие левые (тоже, кстати, не упускавшие случая использовать в своей пропаганде мусульманские традиции и риторику).

Если шиитское духовенство в Иране в конце 1970-х годов представляло собой интегрированную и политически единую корпорацию, то в Египте и Тунисе муллы сразу же раскололись на сторонников и противников революции. Причем исламисты отнюдь не пользовались активной поддержкой

мечети. Как раз наоборот, конфликт между духовенством и политическими группами, апеллировавшими к мусульманским традициям, обострялся по мере развития революционного кризиса. Тунисская пресса отмечает: «Исламисты после революции сконцентрировали свои усилия на том, чтобы удалить из мечетей старых имамов, назначенных при прежнем режиме, чтобы заменить их своими сторонниками»⁵⁷. Эти попытки далеко не везде оказывались успешными, приводя к новым конфликтам на религиозной почве внутри самих мусульманских общин.

Ещё более поразительно то, насколько малую роль духовенство сыграло в политических событиях, развернувшихся в Ливии. Это обстоятельство тем более поразительно, что сторонники политического ислама здесь с самого начала активно участвовали в революционных выступлениях, тогда как в Египте и Тунисе они на первых порах выжидали и колебались.

В Иране власть была захвачена не партиями, провозглашающими идеи политического ислама, а именно духовной корпорацией, которая в Северной Африке не проявляет никаких претензий на власть, да и не существует в качестве единого целого. Напротив, в суннитских арабских странах образцом для политического ислама оказалась не персидская шитская теократия, а турецкая Партия справедливости и развития (ПСР), возглавившая страну под руководством премьер-министра Раджепа

Эрдогана. Популизм Эрдогана, сочетавшийся с ориентацией на рыночный курс в экономике и готовность отстаивать собственные интересы страны перед лицом Запада, соединяемая с приверженностью политическим институтам европейского типа, делали ПСР приемлемой альтернативой для достаточно широкого спектра общественных групп и сил. Его сторонники, выступая в социальных вопросах умеренными консерваторами, могли опереться на значительную часть местной буржуазии, недовольной за счет иностранного капитала, мобилизуя на свою сторону поддержку крестьян и малообеспеченного городского населения (особенно так называемых «новых горожан», переселившихся из села во время индустриального подъема конца 1990-х годов). Эрдогану удалось совместить интересы этих двух групп на фоне экономического роста, который переживала Турция. Однако его арабские последователи, выходявшие на сцену в условиях острого кризиса, сталкивались с куда более сложной задачей.

Способность к согласованию разнородных и противоречивых интересов всегда является сильной стороной популистских движений и лидеров, однако тем-то и отличаются революционные кризисы, что они ведут к обострению всех социальных противоречий. И межклассовые популистские блоки выдерживают испытание подобного рода событиями лишь тогда, когда у подобных блоков есть прочная объективная основа в виде общего интереса, который существенно перевешивает все различия.

В условиях, когда диктатуры рушились одна за другой, как арабская буржуазия, так и западные державы искали на Ближнем Востоке силу, ко-

⁵⁷ La presse de Tunisie, 6.09.2011: <http://www.lapresse.tn/06092011/36260/pour-un-debat-serein-sur-la-place-de-la-religion-dans-la-societe-tunisienne-apres-la-revolution.html>

торая, не выступая открыто против революции и демократических перемен, сможет остановить процесс социальных преобразований. Сделать это могли только организации, имеющие авторитет и влияние в массах. «Братья-мусульмане» подходили для этой цели гораздо лучше, чем либералы западники. После короткого периода колебаний, «Братство» поддержало революционное движение, одновременно стремясь свести к минимуму его социальный радикализм.

Самир Амин писал, что «Братья-мусульмане», что бы они ни говорили, «никогда не были ни «умеренными», ни тем более «демократами». По его мнению, «Братство» -это «часть компрадорской буржуазии»⁵⁸.

В свою очередь, Азелдин Эль Шариф, представляющий ливийскую «Сеть национальной солидарности», в интервью французскому «Инпрекору» характеризовал «братьев» как представителей «реформистской оппозиции», в противовес активистам народного движения, сыгравшим решающую роль в свержении Каддафи⁵⁹.

Если тезис о буржуазности «братьев-мусульман» легко подтверждается их политической практикой, социальными позициями и связями с переходными военными режимами, сложившимися в Тунисе и Египте после падения диктатур, то гораздо более спорным является мысль о «компрадорском» характере политики «братства». Именно попытка придать арабскому капитализму «национальный» характер или, во всяком случае, ко-

лорит, составляла сущность деятельности как партии Эрдогана в Турции, так и его последователей в Арабском мире.

Тунисская «Эн-Нахда» (Партия Возрождения) стала первой из созданных «братьями-мусульманами» организаций, добившейся успеха на выборах. В октябре 2011 года на свободных выборах она завоевала 90 мест из 217 в Учредительном Собрании республики. Её программа представляла собой соединение расплывчатых рассуждений об исламских традициях и ценностях с не менее общими, но не менее постоянными заявлениями о необходимости защиты гражданских прав, интересов наемных работников и социальной справедливости. В ходе избирательной кампании лидер партии Рашид Ганнуши (Rashid al-Ghannushi) всячески подчеркивал готовность к диалогу с левыми, посещал еврейскую общину Туниса, подчеркнуто отмежевывался от радикальных исламистов. «Нахдисты» заявляли: «Наша главная забота сегодня не в том, чтобы завоевать сильные позиции в парламенте и правительстве, а в том, чтобы гарантировать переход к демократии, мы не хотим, чтобы наш успех был просто санкционирован народным голосованием, мы хотим убедить людей»⁶⁰.

«Нахдисты» постоянно подчеркивали, что не являются религиозной партией, а лишь отстаивают традиционные культурные ценности тунисского общества. Это не вызывало восторга у более радикальных исламистов, тогда как сторонники светского го-

58 Samir Amin. Op. cit.

59 См. Inprecor, juillet-août-septembre 2011, Nr. 575/576, p. 48.

60 Zied Daoulati. Ennahdha n'est pas un parti religieux. Global Net, 4.02.2011: <http://www.gnet.tn/temps-fort/tunisie-ennahdha-nest-pas-un-parti-religieux/id-menu-325.html>.

сударства не доверяли умеренным заявлениям партийных лидеров и пугали народ призраком теократической диктатуры. В любом случае, однако, итоги октябрьских выборов не оставили «нахдистам» иного выбора, кроме коалиции с левыми, получившими 97 голосов в ассамблее. Завоевав суммарно больше мандатов, чем «нахдисты», левые уступили им политическое лидерство, поскольку были разделены на 8 партий, крупнейшими из которых являлись социал-демократический Конгресс за Республику (CPR), популистская «Арида шаабийя», — Народная петиция и партия Эттакатол (или «Ат-Такаттуль» — Демократический Блок за труд и свободу), связанная с профсоюзами. Легально действовавшая во времена диктатуры Прогрессивно-демократическая партия провалилась, хотя первоначально её считали фаворитом. Коммунисты и более радикальные левые тоже оказались представлены в ассамблее, но получили от одного до пяти голосов на каждую из организаций.

Разобщенность, впрочем, присуща не только левым. В Египте после падения диктатуры одновременно начали действовать несколько исламистских партий, конкурирующих между собой. Египетская газета «Аль-Ахрам» констатировала весной 2011 года: «Проблема сторонников политического ислама не только в том, что они не могут договориться между собой о будущей политической тактике, но и в том, что они опираются на неоднородную социальную базу»⁶¹.

«Братья-мусульмане» создали по образцу турецких единомышленников Партию свободы и справедливости (ПСС), но одновременно с ней возникла Исламская Группа. Более радикальные исламисты — салафиты — создали собственную партию «Эль-Нур» (El-Noor Party) и начали агрессивную борьбу против либеральных и левых сил, выступающих за светское государство. Со своей стороны, братья-мусульмане то сотрудничали с салафитами, то отмежевывались от них, стараясь, по выражению египетской газеты, показать «насколько умеренной является ПСС по сравнению с салафитами, насколько она открыта для любых альянсов, но тут же намекая, что и с салафитами они могут сотрудничать, если либералы не проявят такой готовности»⁶². При всех тактических преимуществах, которые открывает подобная позиция, она оказывалась весьма неудобной в условиях углубляющегося революционного кризиса: партия разрывалась между противоположными тенденциями. Сближение с салафитами грозило ей потерей поддержки со стороны умеренных мусульман, а компромисс с либералами создавал условия для усиления фундаменталистских сил, критикующих братство за непоследовательность и оппортунизм.

«Братья-мусульмане» создали также Национальный фронт возрождения Ливии (Front national libyen de salut). Здесь проявились те же тенденции и противоречия. В условиях, когда все политические силы в той или иной мере заявляли о приверженности исламским ценностям, проблема состояла в том, чтобы доказать,

61 Ahram Online, 18.03.2011: <http://english.ahram.org.eg/NewsContent/1/64/7920/Egypt/Politics-/Muslim-Brothers,-Jihadists-and-Salafists-Egypt-Is.aspx>

62 Daily News Egypt, 29.07.2011. Online: <http://www.thedailynewsegypt.com/editorial/egypts-salafis-enter-the-dragon.html>

что именно данная ветвь политического ислама является его наиболее привлекательным и серьезным представителем.

Успех партий, выступающих под лозунгами исламских ценностей, вызвал истерику у части левой и либеральной интеллигенции, правда, больше за пределами Арабского Мира, чем внутри него. Перед левыми возникла серьезная политическая дилемма с кем сотрудничать: с либералами «во имя секуляризма» или с умеренными исламистами во имя консолидации демократического режима и реализации некоторых социальных начинаний, поддержанных «Ан-Нахдой» и другими подобными организациями.

Оставаясь принципиальными сторонниками светского государства и свободы совести, левые оказываются идеологическими заложниками либералов, если не находят поддержки в низах общества, всё ещё придерживающихся мусульманских традиций. Хуже того, противопоставляя себя этим традициям, левые без борьбы отдают в руки исламистов ту часть масс, которая ещё «не доросла» до радикальной материалистической идеологии или требуемого уровня классового сознания. Вместо того, чтобы помочь низам общества консолидироваться в борьбе за свои интересы, поборники «социалистических ценностей» часто предпочитают пассивно ждать, пока низы сами поднимутся до требуемого уровня. Но если нет взаимодействия между массами и левой интеллигенцией, то массы до требуемого уровня не поднимутся никогда. И не потому, что массы отстали, а потому что интеллигенция оказывается неспособна проделать простейшую культурную работу по выработке адекватного поли-

тического языка, понятного массам. Если в Латинской Америке левые партии сумели вместе с представителями Теологии Освобождения выработать такой язык, то в арабских странах необходимая работа ещё должна быть проделана. Хотя мусульманские версии Теологии Освобождения существуют⁶³. Об этом же напоминает и Терри Иглтон (Terry Eagleton), говоря о теологах, «для которых ислам и социализм вполне совместимы. Ислам начался как религия бедных и сохраняет эту традицию по сей день». Агитация за социализм на языке ислама вполне возможна, ибо «капитализм – это система, основанная на безверии» (*capitalism is an inherently faithless system*)⁶⁴. Политическая дискуссия в массах идет на языке ислама. Вопрос в том, кто и что хочет донести до масс на этом языке. Представление, согласно которому мусульманская культурная традиция представляет собой нечто, несовместимое с теоретическими идеями или институтами, получившими развитие на Западе, есть не что иное, как своеобразная извращенная версия европоцентризма или даже расизма, культивируемая наиболее реакционными силами как на Ближнем Востоке, так и в Европе. Исторически христианские жизненные нормы не слишком отличались от мусульманских. Вплоть до XVII века Запад был гораздо менее терпим в религиозном отношении, чем Османская Турция, Марокко, Империя Великих

63 В качестве примера можно сослаться на дискуссию между Тариком Рамаданом (Tariq Ramadan) и Славоем Жижекком (Slavoj Zizek) на телеканале Аль-Джазира: <http://english.aljazeera.net/programmes/rizkhan/2011/02/2011238843342531.html>.

64 Socialist Review, September 2011, p. 17.

Моголов или Иран. Все эти державы допускали религиозный плюрализм, тогда как в Европе мусульманское меньшинство обращалось в христианство либо изгонялось, евреи подвергались изоляции, преследованиям и также изгонялись из одной страны в другую, тогда как ни одна из мусульманских стран не знала такого понятия, как Гетто. Да и христианские ереси подавлялись в Европе самым безжалостным образом. Точно так же не мог похвастать Запад и большими достижениями в плане женского равноправия, как на правовом, так и на бытовом уровне — в провинциальной России ещё 150 лет назад появление на улице «простоволосой» женщины считалось верхом бесстыдства.

Дело не в том, что христианская Европа радикально отличается от мусульманского Востока, а в том, что Европа смогла преодолеть на уровне повседневного поведения (личного и общественного) религиозные нормы, а Восток — нет. Произошло это не в последнюю очередь от того, что в Европе преодоление религиозной традиции происходило «изнутри» возникшей на её основе культуры, тогда как на Востоке секуляризм наступал «извне», оказавшись тесно связанным с опытом колониализма и иностранного культурно-политического господства. В свою очередь, преодоление традиции в Европе «изнутри» связано с опытом революции, с массовым участием народа в трансформации общества, в «создании» собственного государства и истории. Именно такой опыт приобретает сегодня Арабский Восток.

Ключевой культурно-политический вопрос Арабских революций, таким образом, состоит не в противостоянии ислама и секуляризма, а в том

насколько, когда и как *сам по себе ислам подвергнется в ходе революционных перемен секуляризации*, какие идейные течения на этой основе вырастут и насколько они станут сильны в массах. Освобождение общества от норм обязательной религиозности произойдет не за счет «внешнего» давления, ориентированного на модернизацию государства, а изнутри самой же исламской культуры, через революционное действие «снизу». Парадокс в том, что секуляризация общественно-политической жизни не только является важнейшей исторической задачей революций, происходящих в Арабском мире начала XXI века, но и сами «исламские» политические движения, вступающие на путь парламентаризма, формируя буржуазные политические движения с центристской программой, этому процессу объективно содействуют, снимая противопоставление «западной» политики и восточной «духовности». Именно «Братья мусульмане» своей политической практикой, — формируя парламентские партии, превращая свое движение в электоральную машину, выступая в качестве либерально-центристской силы, — делают решающий и необратимый шаг, ведущий к дезинтеграции политического ислама и секуляризации ислама «изнутри».

Левые не могут не быть сторонниками светских норм, но реализация этого принципа для них — в отличие от либералов — неотделима от борьбы за социальные права большинства населения, за общегражданскую и классовую эмансипацию. В условиях кризиса, переживаемого современным капитализмом, неизбежность разложения политического ислама predetermined объективным ходом

событий точно так же, как обречены на крушение переходные режимы, порождаемые первым этапом революции. Вопрос в том, кто придет им на смену, кто получит поддержку масс, разочарованных в своих буржуазно-исламских лидерах, какая программа и в каких терминах будет изложена. Победа большевиков в 1917 году не в последнюю очередь была предопределена именно способностью найти нужные слова в нужный момент.

Демократическая революция

Падение диктатур в арабских странах открывает перспективы свободного общественного развития, но демократическая революция – это не только отмена цензуры и честные многопартийные выборы. Политическая повестка дня демократической революции отнюдь не исчерпывается установлением нового политического режима. Настоящее испытание для политических сил и для всего общества с этого только начинается.

Вопрос о правах женщин является важнейшим критерием демократических преобразований. Как отмечал один из авторов “The Tripoli Post” “женщины сыграли важную роль в ходе кризиса, они не только посылали на фронт своих сыновей и мужей, но сами прятали бойцов, готовили им пищу, шили флаги, они подносили бойцам оружие, а часто сами использовали его»⁶⁵.

Права национальных и религиозных меньшинств являются не менее прин-

ципальным вопросом новой демократии. Как писал один из авторов “Le Matin”, если государство останется «арабским», оно будет «тюрьмой народов» (prison des peuples) для берберов, курдов, евреев и всех тех, кто, живя в этих странах, не считает себя арабом. Показательно, что аргументируя необходимость защиты прав меньшинства, алжирский автор ссылался на дискриминацию, которой подвергаются русские в Прибалтике. Развитие революции требует признания лингвистических прав берберов в Ливии, Тунисе и Алжире, и борьба за эти требования уже разворачивается⁶⁶.

Демократическая революция не может ограничиваться формальным признанием прав и гарантиями гражданских свобод, она призвана решить проблемы образования, здравоохранения и социального обеспечения, без которых не может быть обеспечена достойная жизнь граждан в свободном обществе.

“The Tripoli Post” писала осенью 2011 года: «Образование, здравоохранение и защита прав граждан составляют основу стратегии развития, и именно проблемы в этих сферах вызвали массовое недовольство прежним режимом»⁶⁷. Левые партии, добившиеся впечатляющего успеха на первых свободных выборах в Тунисе, тоже выдвигали на первый план требование социальных прав, добиваясь в первую очередь создания системы бесплатного здравоохранения. Аналогичные лозунги звучали и в Египте.

⁶⁵ The Tripoli Post, 17.09.2011: <http://www.tripoli-post.com/articledetail.asp?c=5&i=6929>.
Mohammad Azeemullah

⁶⁶ См. Le Matin, 10.09.2011: <http://www.lematin.dz.net/news/5345-arabe-la-democratie-ne-sera-que-prison-des-peuples.html>

⁶⁷ The Tripoli Post, 17.09.2011.

Неразделимость демократических и социальных требований диктует историческую необходимость разрастания и углубления революционного процесса. Начиная с первых европейских революций, со времен чешских гуситов и английских пуритан, выход на политическую сцену народных масс неминуемо выводил события за узкие рамки ограниченных прагматических реформ, о которых мечтала буржуазия. Вставал вопрос о перерастании политической революции в социальную. Арабская Весна подняла волну общественной мобилизации до такого уровня, когда сохранение сложившегося социально-экономического порядка поставлено под вопрос.

Политические лидеры, которых вынесла на поверхность первая волна революции, стремительно превращаются из поборников перемен в консерваторов. Центристские силы, представленные «Братьями-мусульманами», умеренными либералами и военной элитой одновременно пытаются стабилизировать ситуацию, закрепив свое лидирующее положение, и остановить процесс перемен, эскалацию требований.

Однако это далеко не всегда удается. Лидеры Национального Переходного Совета в Ливии были вынуждены в соответствии с нормами, провозглашенными ещё во время Великой Французской Революции, заранее отказаться от участия в новом правительстве и парламенте, которые будут сформированы по итогам выборов. Председатель НПС Мустафа Абдул-Джалил (Mustafa Abdul-Jalil) всё более превращался в номинальную фигуру. Намерение премьер-министра Махмуда Джабриля (Mahmoud Jibril) сформировать кабинет из своих бли-

жайших сторонников было расценено в обществе как попытка государственного переворота и завершилось его отставкой⁶⁸.

Участие сил НАТО в ливийском конфликте давало определенные гарантии умеренным лидерам, которые не только получали поддержку Запада, но и предъявляли себя массе оставших в качестве единственных людей, которые способны гарантировать получение помощи. Однако в ноябре 2011 года НАТО, в связи с окончанием войны прекратило свое присутствие в Ливии. Запад, пораженный самым серьезным экономическим кризисом за всю историю капитализма, был уже неспособен проводить в Северной Африке активную силовую политику, ограничиваясь дипломатическими инициативами. На фоне ослабления позиций американцев и европейцев в регионе усиливались позиции Турции, однако её ресурсы — политические и экономические — также были весьма ограничены. Чем меньшими оказывались возможности внешних сил влиять на ситуацию в регионе, тем заметнее становилась слабость прозападных либералов, которые теряли свои позиции буквально на глазах. В Тунисе они потерпели сокрушительное поражение на выборах. В Ливии развернулась острая борьба между умеренными политиками, сделавшими себе имя и карьере ещё при Каддафи, и полевыми командирами, наиболее известным из которых являлся Абдулхаким Белхадж. Полевые командиры критиковали руководство

68 «The Tripoli Post» торжествующе писала, что крах Джабриля «послужит уроком» (serve as an example) всем тем, кто попытается нажиться на борьбе ливийского народа. The Tripoli Post, 02/10/2011.

НПС, называя их «осколками режима Каддафи» (remnants of the Gaddafi era) и «кучкой либералов, за которыми в ливийском обществе никто не стоит» (a bunch of liberals with no following in Libyan society)⁶⁹. Кампания критики НАТО и Запада развернулась в прессе. Палестинский публицист Рамзи Баруд (Ramzy Baroud) писал в эти дни, что ливийцы вдохновляют весь мир не только тем, как они смогли завоевать свободу в борьбе с диктатурой, но и тем, как им удается «преодолеть стратегию НАТО» (overcoming NATO's stratagems)⁷⁰.

Главная забота как умеренных лидеров ПНС, так и их западных союзников состояла в том, чтобы в связи с окончанием боевых действий против кадафистов отобрать оружие у населения. Однако больших успехов здесь добиться не удавалось, тем более, что на практике процесс разоружения зависел от полевых командиров, которые прекрасно понимали, что инициатива умеренных направле-

на против них.

Оружие в руках народа оставалась важнейшей гарантией того, что против масс не будет применено вооруженное насилие, так, как это, например, случилось в 1993 году в России, когда жители Москвы поддержали парламент, взбунтовавшийся против неолиберальных реформ.

Очень скоро борьба перекинулась на улицы и на предприятия. Собрания и митинги, на которых звучала критика ПНС, стали обычным делом. Рабочее движение заявило о себе не только формированием новых свободных профсоюзов, но и забастовками. В октябре 2011 года трудящиеся месторождения Waha Oil прекратили работу и потребовали смещения старого, назначенного ещё при Каддафи, менеджмента и фактически — участия в управлении. «The Tripoli Post» констатировала: «Бастующие навязывают свои решения администрации нефтяного предприятия»⁷¹.

В отечественных левых кругах популярным стало сравнение событий 2011 года с «русским Февралем», за которым должен при «правильном» развитии событий последовать «арабский Октябрь». Как известно, всякое сравнение хромает, но данное сравнение просто «не стоит на ногах». В феврале 1917 года в России рухнула система государственного устройства, оружие было в руках у народа, Советы, опиравшиеся на массовую поддержку и вооруженную силу, создали в стране ситуацию двоевластия — наряду с Временным правительством, которое было, по словам Ленина, властью без силы. Ничего подобного не случилось в

69 S. Ghannoushi. Op. cit.: <http://english.aljazeera.net/indepth/opinion/2011/09/2011091471810380175.html>.

70 The Tripoli Post, 31/08/2011: <http://www.tripoli-post.com/articledetail.asp?c=5&i=6803>. Не менее решительно высказывался другой columnist «The Tripoli Post» Хадид Али (Hadeed Ali). Несмотря на то, что помощь Запада повстанцам улучшила отношение ливийцев к Америке, не следует забывать, что «американские администрации одна за другой, исходя из своих деловых и стратегических интересов, поддерживали диктаторов на Ближнем Востоке, прямо способствуя подавлению инакомыслия и свободы». Развивая свою мысль, автор отмечал, что не только политика США на Ближнем Востоке, но и сама капиталистическая система и неолиберальный рыночный режим должны быть осуждены. The Tripoli Post, 13/09/2011: <http://www.tripoli-post.com/articledetail.asp?c=5&i=6898>.

71 The Tripoli Post, 15.10.2011.

январе 2011 года ни в Тунисе, ни в Египте. Система государственных институтов под давлением низов пошатнулась, но до поры устояла. Эти события скорее можно было бы назвать «арабским октябрём», имея в виду, однако, не Октябрь 1917 года, а октябрьский манифест Николая II в 1905 году, когда старый режим вынужден был дать народу свободу, но не собиравшись уступить власть, а социально-экономические реформы даже не были официально поставлены в повестку дня, хотя и подразумевались народными требованиями.

Единственной арабской страной, повторяющей до известной степени траекторию «русского Февраля» является Ливия с её низовыми советами, вооружённым народом и контрастом между реальной властью в руках этих советов, опирающихся на повстанческих полевых командиров, и верхушкой ПНС, представляющей умеренно-прогрессивную часть либерально-бюрократической элиты. Аналогия ещё более усиливается сотрудничеством ПНС и НАТО, которое неминуемо вызывает в памяти союзнические отношения петербургского Временного правительства с Антантой. В этом плане Ливия оказалась наиболее динамичным элементом в общей картине «Арабской Весны»⁷².

⁷² О том, что в Ливии революционный процесс оказался более глубоким, чем в Тунисе и Египте из-за разрушения военно-репрессивного аппарата и всей государственной машины старого режима, писали и арабские авторы. Если в Египте и Тунисе имел место «военный переворот под давлением масс» (a publicly inspired military coup), то в Ливии старое государство было полностью демонтировано (deconstructed), отмечал Сами Заптия (Sami Zaptia). The Tripoli Post, 01.10.2011: <http://tripolipost.com/article/detail.asp?c=5&i=7033>.

Однако даже если события лета 2011 года в Триполи можно сравнить с февральской революцией 1917 года в Петербурге, то было бы в высшей степени наивно ожидать здесь появления новых большевиков. Революция будет двигаться вперед не в большевистских, а скорее в якобинских формах.

В чем разница между большевизмом и якобинством? Не кто иной, как Ленин называл большевиков якобинцами русской революции, преемственность идеологии, традиции и даже организационных форм между ними несомненна. Но социальной базой большевиков был консолидированный индустриальный пролетариат, тогда как якобинство опиралось на неразделенную, хоть и социально неоднородную плебейскую массу, в составе которой были и рабочие, и мелкая буржуазия, и обедневшие лица свободных профессий. Такая же широкая плебейская масса составляет сегодня базу арабских революций. Более того, эволюция наемного труда, глобальное перераспределение производства и изменение социальной структуры общества к началу XXI века создало ситуацию, при которой «классическая» пролетарская революция возможна разве только в Китае (ещё один парадокс нынешнего времени, ибо именно китайские коммунисты в 1930-е годы поставили вопрос о возможности социалистической революции, в которой пролетариат не будет являться главной и решающей силой). Современный капитализм, размывая традиционный рабочий класс, одновременно ведет к пролетаризации средних слоев, возвращая нас к положению, когда нет возможности опереться на консолидированные и организованные клас-

сы, обладающие четким и устойчивым самосознанием. Однако массы новых полупролетариев, наемных работников неиндустриального сектора, обедневшие средние слои и потерявшая свой прежний статус интеллигенция склонны к радикальным антикапиталистическим выступлениям отнюдь не меньше, чем промышленные рабочие, — другой вопрос, что эти выступления будут происходить иначе, и требования будут артикулироваться не обязательно на языке «классической» левой.

Это подводит нас к выводу важному для понимания процессов, происходящих сегодня в нашей собственной стране. Надвигающаяся российская революция будет по своей идеологической и социальной форме не пролетарской, а плебейско-демократической, но отсюда вовсе не следует, будто она не сможет поставить в повестку дня и реализовать социалистические лозунги. К этому нас подталкивает общий кризис современного капитализма, а также объективная необходимость опираться на исторический фундамент советского наследия — не только и не столько идеологического, но именно материального, культурного, интеллектуального и технологического.

В эпоху глобального кризиса Россия оказывается гораздо ближе к арабским странам, чем хотелось бы её элитам и либеральной интеллигенции. А потому вопрос об оценке событий в Египте, Тунисе или Ливии становится у нас не темой праздных дискуссий, а именно актуальным политическим вопросом, проверкой, по которой выявляется наша собственная готовность к борьбе и к грядущим переменам.

Социалистическая революция вырастает из демократической, она опирается на демократические потребности масс и, в отличие от разного рода прогрессивных переворотов, происходящих внутри элиты, никаким другим способом осуществиться не может. Социализм есть не что иное, как окончательное торжество демократии, распространяющейся на сферу экономики, и всякий раз, когда его начинают трактовать и практиковать иначе, он терпит поражение.

Демократическое восстание на Ближнем Востоке открывает путь борьбы за новые социальные условия миллионам людей, которые до этого никогда не были и не могли бы даже вообразить себя субъектами истории. Плебс превращается в демок, толпа становится массой, а население осознает себя народом.

Именно эта историческая борьба проявляет чего стоят те или иные левые группы, идеологи и партии. Их место определяется отношением к революции и готовностью или неготовностью принять вызов истории. Их роль зависит от того, как ответят они на этот вызов, не приспособиваясь к обстоятельствам, не угождая большинству, но никогда не переставая работать в его интересах. Ибо не страшно оказаться в меньшинстве, но нет ничего страшнее, чем остаться вне истории, в стороне и вне процесса, которым живет большинство народа.